

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

Большую часть XIX – начала XX вв. крымскотатарские кавалерийские части были известны под именем Крымского Конного полка. Начало его истории относится к 1780-м гг., когда Екатерина II указала создать по просьбе самих крымчан¹ дивизионы из местного, крымскотатарского населения. Президент военной коллегии князь Г. А. Потёмкин получил 01. 03. 1784 г. указ «о составлении войска из подданных в Таврической области обитающих в составе пяти дивизионов»². На первых порах было создано три дивизиона по 200 человек личного состава. Из них два находились на действительной службе, тогда как третий оставался в запасе. Но в мае 1787 г., в дни достопамятного посещения Екатериной II Крыма, в седле оказались все три части, к которым присоединились ещё какие-то добровольные участники этого действия.

Современник, не вполне знакомый с историей крымскотатарских дивизионов, так записал ход события: «Только что составлена гвардия из 800 человек татар, богато одетых и вооружённых саблями, копьем и стрелами; они должны эскортировать императрицу и служить ей почётными телохранителями. Будет существовать постоянно и составлять регулярное войско, командуемое мирзами, возведёнными в чин полковников. 200 человек отсюда назначены в Петербург и они будут находиться на одном положении с гвардейцами»³. По сути, это был гвардейский полк, состоявший из эскадронов — *бешле*, куда набирали добровольцев, так как не только крымскотатарское, но и вообще коренное население ново-завоёванных областей на воинскую службу было обещано не брать, что и подтверждалось вполне официальными документами⁴.

Для эскадронов были закуплены кони крымской степной породы, сохранялось и традиционное вооружение крымского всадника, а также седло восточного типа. Обмундирование несколько раз менялось, тем не менее каждый раз в нём сохранялись основные черты крымскотатарской

мужской одежды. Первый приказ, который полк выполнил – сопровождение и охрана Екатерины II на протяжении её поездки в Крым. Находившийся в числе гостей принц Шарль Нассау-Зиген заметил: «полк очень эффектен, я не видел ничего красивее»⁵. Позднее крымскотатарский полк был разбит на два отдельных дивизиона (по два эскадрона в каждом). В 1790 г. к нему добавили ещё 4 дивизиона и отправили к польской границе, где он оставался 2 года. В войнах с Польшей (1792, 1794–1795) и её разделах крымским конникам, к счастью, участвовать не привелось. Затем в полку снова осталось только 2 дивизиона, а в 1796 г. его вообще расформировали⁶.

Нетрудно представить себе разочарование крымских командиров и рядовых конников столь неожиданным завершением их службы и связанным с ней блестящим статусом – по сравнению с положением остального, в основном крестьянского населения полуострова. Но вот начинается война с Францией (1806–1807), в которой крымцы вновь оказались востребованными. Однако вновь собрать полки на основе воинской повинности было невозможно – сохраняло свою силу официальное освобождение крымскотатарского народа от рекрутских наборов. Впрочем, выход подсказали сами татары. В первые военные месяцы по инициативе муфтия Крыма Муртазы Челеби таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго собрал крымских мурз и беев и обсудил с ними, пока ещё не имея на это полномочий, возможность участия их в войне во главе добровольцев, собранных в иррегулярные, то есть не входящие в состав российской армии, а приравненные к казачьим части. При этом крымскотатарские мурзы предлагали большую часть расходов на сбор и вооружение нового войска оплатить, облегчив тем самым казённые расходы. От этого проекта, полагали губернатор и крымские дворяне, будет польза и России и мурзам, которые получают офицерские чины (последнее соображение, пожалуй, было доминирующим). Добровольцев же легко привлечь, стоит сообщить им о том, что они «...могут набогатиться и ввести в Крым сокровища Немецкой земли, подобно как на Дону у всякого есть вещи Польские и Турецкие, и... всякий Татарин, служа в войске, может получить офицерский чин и вознестись в звание мурзинское»⁷.

После того, как с мурзами и беями было достигнуто взаимопонимание, Д. Б. Мертваго и имперское Министерство внутренних дел подготовили некий *Приговор дворянский*, то есть составленный крымскими татарами документ, подтверждающий изъявление их воли участвовать в войне на Западе⁸. То есть, опытный губернатор обратился со своим про-

ектом не в военное ведомство, как можно было бы ожидать, а в совсем иное, чему были свои причины. Они проявляются из содержания сопроводительного письма Д. Б. Мертваго, в котором он подсказывал главе Министерства внутренних дел, что «...сие дело полезно быть может как для армии, так и для спокойствия в Крыму; ибо дети именитых мурз и татар, находясь в отдалении, будут служить аманатами, ...имея в предмете, что войны жаждущие обыватели опасны в крае, где от волнения народного находится сумнение»⁹.

Губернатор бил наверняка. Глава ведомства внутренних дел, конечно, хуже знавший обстановку в Крыму, чем высший тамошний чиновник, не мог не полагаться на его веское мнение и тут же поддержал такую полезную инициативу. Тем более, что брать в аманаты или заложники было для империи не только привычным делом, но и давно проверенным, безотказным средством держать немирные племена в повиновении. Военное министерство также начало было соглашаться с проектом, но при условии, что в крымскотатарских частях офицерами будут русские. На это Д. Б. Мертваго резонно возразил, что, во-первых, такие командиры, не знающие языка подчинённых, не смогут ими управлять в бою, а, во-вторых, они никогда не заменят мурз-офицеров, которые пользуются непререкаемым авторитетом среди простых конников как опытные лидеры, «всегда над татарами властвовавшие», а это, помимо всего прочего, становится особенно важным в виду ожидаемого вторжения в Крым турецких войск¹⁰.

О том же писал Новороссийскому военному губернатору герцогу Арману де Ришельё князь М. С. Воронцов, правда в совсем ином ключе. Будущий Новороссийский губернатор, всегда с теплотой относившийся к крымским татарам, полагал, что этот правительственный проект нецелесообразен, так как рассчитан на решение совсем иных, невоенных задач, а именно: «...скорее вывести из Крыма лучших людей и получить в лице их аманатов (т. е. заложников – *В. В.*) в залог преданности России»¹¹, против чего он возражал. Герцог же, буквально используя слова князя, придал его мысли совершенно противоположное направление. В своих рапортах от 8 августа 1807 г. и 31 августа 1807 г. министру военных сухопутных сил Феншту он совершенно соглашался с основными положениями проекта:

«При сем устроении, по обстоятельствам тогдашнего времени, предлежало (sic) иметь в виду расположение Татар, чтобы скорее, выведя из Крыма лучших людей, получить в лице их аманатов в залог преданности

России. Их чего самого по себе следует, что иначе нельзя было успеть в намерении, как допустить сформирование полков Татарских, сообразно природной склонности их и желанию, по примеру Казацких. ...Те же побуждения, что выше объявлены, и желания Татар, людьми из себя и лошадьми жертвующими, требовали согласиться и в том, чтобы из их же именитейших фамилий назначены были в полки сии офицеры»¹².

Именно такого мнения от главного военного начальника Тавриды ожидал официальный Петербург; теперь ничто не мешало осуществлению задуманного. Полки были набраны и обеспечены всем необходимым, вплоть до обмундирования нового образца. По своему статусу они соответствовали казачьим формированиям, и единственное различие между этими армейскими группами одного, по сути, рода войск состояло в неодинаковом именовании крымскотатарских и казачьих чинов, да в обмундировании¹³.

В том же 1807 г. Военная Экспедиция имперского Сената признала, что следует, «пользуясь расположением татар и применяясь к природной их склонности, согласиться, чтобы полки их сформированы были по примеру казачьих». Понятно, что большой роли в укреплении имперской армии несколько сотен всадников играть никак не могли. Очевидно, эта затея, потребовавшая, как любое новое дело, решения массы больших и малых проблем, была вызвана не столько военно-мобилизационными, сколько политическими соображениями. Поскольку в этом году обстановка на западных рубежах России снова обострилась, то одновременно с принятием указанного решения был подготовлен приказ о немедленном отправлении двух крымскотатарских полков «в замену донским [казачьим частям] на прусскую границу для содержания кордона между сими последними, сменяя их другими двумя, в Крыму остающимися поочерёдно»¹⁴. Однако военная обстановка разрядилась, и до выступления в поход дело дойти не успело, хотя мысль о поочерёдной службе крымских полков на границе и на родине, как будет видно ниже, была всё же превращена в жизнь.

В мае 1807 г. полки были полностью собраны. Они представляли собой, как и ранее, иррегулярные части, организованные по казачьему образцу во всём, включая обмундирование (собственно, кавказское, но принятое в казачьих частях — чёрный бешмет, дополненный чёрным же плоским крымскотатарским мерлушковым *кьялтаком* с красным верхом). Все расходы по полковым сборам оплатили крымскотатарские общины, казна взяла на себя только стоимость коней, фуража и довольствия. В

каждом полку насчитывалось 200 человек личного состава. Всего их было четыре: Симферопольский конно-татарский (командир — майор Кая-бей Балатуков), Перекопский (командир — майор Ахмет-бей Хункалов), Феодосийский (командир — поручик Али-мурза Ширинский), Евпаторийский (командир — капитан Абдулла-агъа Мамайский)¹⁵.

В июне 1807 г. полки пошли на Вильно, но вскоре, по причине прекращения военных действий, возвратились домой. На будущий год, когда вновь возникла военная угроза, Симферопольский полк весной выступил в вильненском направлении и был затем расквартирован на прусской границе. Перекопский полк стал в Гродно. В мае 1809 г. Перекопский и Феодосийский полки были дислоцированы в Киевской губернии, где оставались до самого 1812 года.

В промежутке между этими передвижениями в Петербурге были разработаны и уточнены военно-правовые положения для крымско-татарских частей. В январе 1808 г. Александр I своим указом № 22 772 повелел узаконить полки, составленные «из Крымских Татар, добровольно пожелавших служить», и что в мирное время «сии полки находятся в домах своих, состоя в готовности по востребованию на службу». То есть, их существование действительно основывалось «на точном праве Донских казаков», тем более, что и приказывалось «два полка из них в замену Донских отрядить на Прусскую границу для содержания кордо-ну между сими последними»¹⁶. На границу ушли Симферопольский полк под командой майора Кая-бея Балатукова и Перекопский, командиром которого стал Ахмед-бей Хункалов. Каждый из этих полков насчитывал 500 человек личного состава и по 1 000 верховых коней¹⁷.

Ещё в упоминавшемся походе 1808 г. «Татарские полки показали... довольно расположения своего к службе, люди и лошади были лучше» обычного уровня, отчего герцог Ришельё после прекращения военных действий с Францией в 1808 г. «признав ненадобным забывать их и далее, приказал возвратиться им в Крым». На самом деле всем, кроме Феодосийского и Перекопского полков, остававшихся близ Киева. При этом герцог считал необходимым поощрить крымцев к поддержке такого рода службы татарской молодёжи, как это было среди казаков: «Употребляя татар на службу и делая из них народ, к военной службе принадлежащий, действительно надобно снять с них повинность в поставке топлива, возможно платёж за земли, соразмерный той сумме, которая бы равнялась издержке, на удовлетворение войск могущей быть употребляемою»¹⁸. То есть, Ришельё предлагал заменить подушную и иные подати развёрстан-

ной среди татарской части населения Крыма платой за содержание крымских конных полков, справедливо полагая, что такое целевое использование податных сумм (то есть, *на своих же*) будет воспринято народом с большим удовлетворением, чем это было ранее.

Когда началась Отечественная война 1812 г., то Симферопольский и Перекопский полки были приданы знаменитому казачьему корпусу атамана М.И. Платова, в составе которого участвовали во многих больших и малых сражениях, в том числе Бородинском. При Бородине отличился крымскотатарский ополченский эскадрон под командованием Ахмедбека Кунгаровича и полковника Бегильдеева¹⁹. Крымские конники прикрывали отступление русских войск в первой фазе войны, а также совершили дерзкий рейд по тылам французской армии зимой 1812–1813 гг. Они отличились в битвах при Тарутине, Городне, Гжатске, Царёвом Займище, Духовщине, Дорогобуже, взятии Смоленска и форсировании Немана. Затем последовали славные победы под Тильзитом, Рогнидой, Пройсиш-Эйлау. А за осаду и взятие Данцига полковник К. Балатуков был 07. 12. 1813 г. произведён в генерал-майоры²⁰. Кроме того крымские полки участвовали в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом и во взятии Намюра, они одними из первых вошли в столицу поверженного врага, в Париж²¹.

Евпаторийский же полк был включён в состав Второй западной армии, участвовал в изгнании неприятеля из Брест-Литовска, в битве под Кобрицом, брал Белосток и другие города и крепости. В 1813 г., уже на германской территории, евпаторийские конники громили врага при Люцене и под Кульмом. Затем они несколько месяцев несли гарнизонную службу и вернулись на родину только в 1814 г. Феодосийский полк в военных действиях не участвовал по единственной причине — российская интендантская служба не озаботилась его перевооружением в соответствии с требованиями военного времени. Он нёс пограничную службу вдоль бугских рубежей и вернулся домой ещё позднее, в мае 1815 г. А через два года, когда окончательно исчезла военная угроза с Запада, все крымскотатарские полки были распущены с повышением личного состава в званиях и предоставлением пожизненного права на ношение мундира.

Подвиги крымскотатарских воинов вспоминали в Крыму и за его пределами в столетнюю годовщину Отечественной войны 1812 года. Председатель Таврической учёной архивной комиссии А. И. Маркевич на одном из торжественных юбилейных заседаний сказал, что «Крым и его татарское население всегда должны гордиться тем, что в Отечественную

войну три крымские конно-татарские полка принимали участие и отличились во многих сражениях с армией Наполеона, в частности в великом Бородинском сражении и в преследовании неприятеля до Парижа включительно... Плохо одетые и вооруженные, незнакомые с военной службой, не знавшие русского языка, среди чуждых условий жизни, крымские татары честно исполнили свой долг, и за их верную службу потомки их 26 августа 1912 года, вместе с представителями таврического дворянства и земства, представляли Тавриду на Бородинском поле перед лицом Государя и всей России»²².

В ходе кровопролитных боевых действий многие татарские конники были убиты или ранены, из Крыма регулярно шли пополнения. Но личное мужество крымцев было по достоинству оценено, они постоянно включались в наградные списки империи. Двадцать два «нижних чина» даже стали российскими дворянами, буквально на поле брани, заслужив ордена. Все остальные рядовые и унтер-офицеры были награждены медалями, с правом ношения их на голубой ленте. Пятеро простых конников стали при этом кадровыми офицерами. Не поскупился царь и на награды для командования крымских полков. Так, кн. К. Балатуков был награждён орденами Св. Георгия 4 класса, Св. Анны 3 класса и Св. Владимира 3 и 4 классов; Амет-бей Хункалов заслужил чин полковника, личное золотое оружие, ордена Св. Владимира 4 класса, Св. Анны 2 класса т.д.²³.

Так исполнили крымские татары отведённую им правительством Российской империи «роль аманатов-заложников». Пройдёт всего 40 лет и подвиги их будут прочно забыты. В начале Крымской войны российское правительство, охваченное болезненной подозрительностью по отношению к крымскому населению, примет решение о его высылке из прибрежных районов в горы, бесплодную степь, а многих – вообще далеко за пределы полуострова. При этом предполагалось конфисковать у изгнанников весь скот – рабочий, мясной, молочный. Нетрудно догадаться, что в местах ссылки эти потомственные садоводы, виноградари, табакководы и рыбаки, не имевшие ни навыков хлебопашества, ни нужного сельскохозяйственного инвентаря, ни материальных средств для заведения нового хозяйства были обречены на голодную смерть – что и имело место во множестве случаев.

То, что готовившаяся акция была не только жестокой по отношению к мирному населению, но и пагубной для обороны Крыма, было ясно даже простым офицерам, там служившим – но не официальному Петербургу. Хотя сюда приходили письма вроде следующего: «Нельзя не опасать-

ся, что переселение в глубокую осень на голые степи и неправосудное отобрание рабочего скота... приведет их (т. е. крымских татар – В. В.) в отчаяние и превратит в злейших и даже опасных врагов нам, особливо при неблагоприятной перемене военных обстоятельств»²⁴. Тем не менее, осенью 1854 г. была проведена депортация, стоившая огромных жертв коренному народу, а последствия её не сгладились и через много лет после окончания Крымской войны: «...в губерниях орловской, курской, полтавской, екатеринославской и херсонской [оказалось] множество несчастных татар, преимущественно вполне невинных... заброшенных вдали от своих семейств и родных в положении, которому едва ли позавидует и ссыльный в Сибири»²⁵.

Тогда же, сразу после окончания войны беды, обрушившиеся на татар принудили их к так называемому Второму великому исходу, когда родину была вынуждена покинуть треть коренного населения Крыма, за ним последовал Третий (1870-е гг.), не менее катастрофичный...

Поэтому и не выгладит слишком суровой оценка «крымской» политики менявшихся российских правительств, вынесенная одним из наших современников. Он полагает, что верность и мужество крымских воинов на службе империи не принесли никакой пользы народу — ни в Отечественную войну 1812 г., ни в последующие времена: «Чего мы добились своей лояльностью и верной службой царю-батюшке, а затем стране Советов? Да, воевали в рядах русской армии... Были мы в Аустерлице, Бородино, Париже, Порт-Артуре, Перекопе, Сталинграде, Берлине и т. д. Ну и что взамен? Унижения, гонения, высылки, одним словом — геноцид»²⁶.

¹Первопричина этой инициативы неизвестна. Однако можно предположить с большой долей вероятности, что таким образом члены старых крымскотатарских родов, где традиционным было именно военное служение верховному правителю страны, пытались найти альтернативную форму такой службы в новых, изменившихся с аннексией Крымского ханства условиях.

²Полное собрание законов Российской империи. Первое издание. Т. XXII. № 15 945. (Далее – ПСЗ).

³*Граф де Людольф*. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Март. Т. 2. С. 163.

⁴Согласно Объявлению от 16 октября 1783 г. за подписью Г. Потёмкина, обращённому ко «всему народу крымскому», имелось «точное Ея Императорского Величества соизволение, чтобы никого из народа крымского в службу воинскую, без собственной его воли и желания, не брать и не принуждать» (Письма Екатери-

нославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах Ея Величества Екатерины II, тайному советнику В. С. Попову для доклада князю Платону Александровичу Зубову (с 20 января 1782 по 24 июня 1789 года) // Записки Одесского общества истории и древностей. (Далее – ЗООИД). Т. XII. 1881. С. 287). Позже, согласно императорскому рескрипту от 18 октября 1796 г., адресованному Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому губернатору князю П. А. Зубову, подтверждалось полное освобождение крымскотатарского населения от воинской обязанности и даже постоя.

⁵Цит. по: *Маркиз д'Арагон*. Рыцарь XVIII века, принц Шарль Нассау-Зиген. Корреспонденция 1784–1789 // Крымский Вестник. 1895. № 137.

⁶*Муфтизаде И.* Очерк службы крымских татар в 1783 по 1889 гг. По архивным материалам // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 30. Симферополь, 1899. С. 4–6. Далее – *Муфтизаде*, 1899.

⁷Записки Дмитрия Борисовича Мертваго (1760–1824 гг.). М., 1867. Приложение к «Русскому архиву». 1867. Вып. 8/9. С. 199.

⁸Там же. С. 201.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Цит. по: *Авалиани С. Л.* Граф М. С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. Одесса. Т. XXXI. 1913. С. 55.

¹²ПСЗ. Т. XXII. С. 33–34.

¹³Российский Государственный Исторический архив. Ф. 134. Оп. 9. Д. 2144. Л. 19–21. Далее – РГИА.

¹⁴РГИА. Ф. 134. Оп. 9. Д. 2144. Л. 19 об. – 21 об.

¹⁵Современники сообщают некоторые подробности этого первого сбора: «По первому к ним воззванию, на собственном иждивении крымские татары выслали через три дня 4 000 конных ратников и предложили всех своих молодых людей на службу. Пожертвование было столь значительно, что Государь, отблагодарив их за усердие, принял едва ли четвертую часть оногo» (*Броневский В. Д.* Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822. С. 113). Что же касается денежных сумм, необходимых для сбора полков, то только пожертвований (в них приняли активное участие и караимские купцы), то есть денег, собранных *до обложения* населения соответствующей податью, оказалось больше, чем требовалось (там же).

¹⁶ПСЗ. Т. XXII. № 22 772. В этой связи стоит заметить, что крымскотатарские конные полки (затем – эскадроны) являлись единственным аналогом казачьих частей, когда-либо существовавших в Крыму, то есть набранных из местного населения, а не квартировавших здесь временно. Некоторые авторы истории российского казачества даже выделяют крымскотатарским конникам специальные главы, считая крымские полки разновидностью казачьих.

¹⁷РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 209. Л. 1, 5.

¹⁸ПСЗ. Т. XXII, 52.

¹⁹*Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 90.

²⁰*Муфтизаде*, 1899. С. 11.

²¹Подробнее см. в: *Полтаржицкий А.* Крымское войско // *Qrim tatarlari – Крымские татары*. Минск, 1994. С. 40.

²²*Маркевич А. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам. Симферополь, 1905. С. 55, 59.

²³*Габаев Г.* Крымские татары под русскими знамёнами // Журнал Военно-исторического общества. Санкт-Петербург, 1913. № 3. С. 134; *Муфтизаде*, 1899. С. 13.

²⁴РГИА. Ф. 1286. Оп. 15. Д. 15. Л. 16.

²⁵*Левицкий Г. П.* Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. Кн. X. 1882. С. 606.

²⁶*Шерфединов Р.* Мы вечные ученики жизни... // Биз – кырымлырыз! Мы – крымцы! Акъмесджит, 2006. С. 251.